

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.Б. Раренко.</i> Английский язык в современном мире (Вместо предисловия)	5
--	---

1. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ТЕРРИТОРИИ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>М.М. Марусенко, Н.М. Марусенко.</i> Языки в переписях населения Соединенного Королевства	12
<i>Э.Б. Яковлева.</i> Германские миграции: Языковая ситуация в Британии в эпоху гептархии	29
<i>М.Б. Раренко.</i> Английский язык в Шотландии	39

2. ВАРИАНТЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

<i>Т.А. Валиулина.</i> Социолингвистические аспекты канадского варианта английского языка	59
<i>З.Г. Прошина, А.А. Ривлина.</i> Английский язык в России как вариант и как дополнительный языковой ресурс	73
<i>Н.В. Бхатти, Е.В. Ковш, Е.П. Савченко.</i> О некоторых лексико-грамматических особенностях пакистанского варианта английского языка	90

3. ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В НЕАНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ

<i>Н.Н. Трошина.</i> Английский язык в Германии	100
<i>И.Е. Коптелова.</i> Hungarian or Hunglish?	126
<i>Е.В. Коренева.</i> Англицизмы в языке современной испанской прессы	143

<i>О.С. Крюкова.</i> К вопросу об англицизмах на -инг в русском языке	158
<i>Н.П. Пешкова.</i> Английский язык в лингвистическом ландшафте современного российского города (На материале городского текста Уфы)	165

4. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

<i>И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни.</i> Глобальный и национальные языки в научных публикациях: Новая форма диглоссии?	176
<i>Н.Н. Германова.</i> Английский язык в европейской науке и системе образования: Лингва франка или язык-агрессор? .	191
Сведения об авторах	203

М.Б. Раренко

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(Вместо предисловия)**

Английский язык, принадлежащий к англо-фризской подгруппе западной группы германской ветви индоевропейской языковой семьи, возник в раннем Средневековье как язык части германских племен, переселившихся на территорию современной Великобритании, и стал родным для большинства ее населения.

Роль английского языка, получившего широкое распространение в современном мире, переоценить невозможно. Он является официальным языком в 54 странах (Великобритании, США (официальный язык 31 штата), Австралии и пр.), одним из официальных языков Ирландии (наряду с ирландским), Канады (наряду с французским) и Мальты (вместе с мальтийским), Новой Зеландии (наряду с маори и жестовым), используется в качестве официального в некоторых государствах Азии (Индия, Пакистан и др.) и Африки (в основном это бывшие колонии Британской империи, входящие в Содружество наций), притом что большинство населения этих стран являются носителями других языков.

Английскую речь можно услышать чаще, чем французскую, немецкую, испанскую, русскую и арабскую, хотя соответствующие языки сегодня также используются как средства международного общения. Английский язык – это язык науки и искусства, медиа и развлечений (кино- и видеопродукции, поп-музыки), рекламы, образования, медицины, дипломатии, политики, экономики, коммерции, делового общения. Английский язык является одним из официальных языков (наряду с французским, испанским, арабским, русским и китайским) Организации Объединенных Наций (ООН, 1945) и таких ее подразделений, как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ, 1948), Организация Объединенных Наций по вопросам образо-

вания, науки и культуры (ЮНЕСКО, 1946), Международный валютный фонд (МВФ, 1944) и др. Английский язык выступает в качестве официального и рабочего языка многих международных совещаний организаций, таких как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, 1967), Европейский совет (неформальные встречи на высшем уровне начали проводиться с 1961 г.), Организация Североатлантического договора (НАТО, 1949). Более того, английский язык является единственным официальным языком Организации стран – экспортеров нефти, единственным рабочим языком Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ, 1960).

Нет ни одного континента (кроме Антарктиды, пожалуй), где на английском языке не говорило бы местное население. И число говорящих на английском языке лишь увеличивается год от года. О. Есперсен предположил, что число говорящих на английском языке в 1500 г. составляло всего около 4 млн человек, а к 1900 г. цифра увеличилась более чем в 30 (!) раз и составила 123 млн человек. Особенно резко число говорящих на английском языке стало увеличиваться начиная с 1960-х годов. К концу XX в. количество говорящих возросло еще в 10 раз по сравнению с 1900 г. По подсчетам ученых, сегодня число говорящих на английском языке составляет от 1,2 млрд до 1,5 млрд человек [Ощепкова, 2004], для которых английский язык является родным, вторым или иностранным. По данным на 2003 г., английский язык является родным для приблизительно 335 млн человек, т.е. занимает третье место в мире как родной язык после китайского и испанского. В качестве первого иностранного языка английский преподается более чем в 100 странах мира: в Китае и России, Германии и Франции, Испании, Египте, Казахстане, Италии и пр. Новые варианты английского языка (Englishes), в отличие от диалектов, имеющих ограниченное употребление, «существуют на международном уровне и имеют миллионы пользователей» [Ощепкова, 2004, с. 20].

Первоначально английский язык вне территории Англии использовался как средство межэтнического общения (как было, например, первоначально в Шотландии), затем он подвергался разного рода изменениям, его лексическая система пополнялась, заимствуя единицы из других языков (как правило, коренных жителей), видоизменялась фонетическая система, подстраиваясь под особенности произношения родного языка проживающих народов и народностей, происходили изменения в грамматической системе также под влиянием родных языков. Постепенно английский язык завоевывал все

новые и новые территории, становясь единственным официально признанным языком, часто вытесняя национальные языки.

Относительно недавно ученые признавали существование всего нескольких национальных вариантов английского языка, таких как американский, канадский, австралийский, новозеландский, считали шотландский английский региональным вариантом. Сегодня стало возможным и даже общепризнанным говорить о нигерийском, индийском, сингапурском, русском, немецком, венгерском, итальянском, испанском, польском, венгерском, украинском, корейском, японском, китайском, норвежском, казахском, грузинском, азербайджанском, белорусском и других вариантах английского языка (более подробно см.: [Прошина, 2017]). Многообразие форм (вариантов) английского языка связано с тем, что английский язык постоянно расширяет свою географию и используется для «обслуживания» новых и новых этнокультурных образований, что в итоге и позволило ему стать современным глобальным языком (вряд ли кто-то сегодня будет отрицать этот факт).

Тому, что именно английский язык занял нишу глобального языка, имелось ряд предпосылок, среди которых отметим лишь несколько. Во-первых, в XIX в. именно Великобритания стала ведущей промышленной и торговой державой. Более того, на протяжении всего XIX в. британская политическая система способствовала распространению английского языка по всему миру. Благодаря все возрастающей мощи Соединенных Штатов Америки в XX столетии этот процесс только усилился. Во-вторых, следует отметить относительную простоту структуры английского языка (хотя это вопрос спорный: латынь никак нельзя назвать простым языком, а на протяжении длительного периода латинский язык выполнял роль языка международного общения на территории Римской империи). В-третьих, как особую характеристику английского языка следует признать его удивительную особенность легко и непринужденно заимствовать лексику из самых разных языков.

В настоящий сборник вошли статьи, авторы которых рассматривают различные аспекты функционирования английского языка в современном мире.

В первый раздел сборника «Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии: Прошлое и современность» вошли три статьи. В статье «Языки в переписях населения Соединенного Королевства» Н.М. Марусенко и М.М. Марусенко рассматривают «языковую идеологию Соединенного Королевства на современном этапе и его языковую

политику в области контроля над использованием английского языка и мер по поддержке его изучения иммигрантами и их детьми» (с. 12). Авторы отмечают, что сегодня отношения языка и гражданства в национальных государствах изучаются с точки зрения укрепления национального единства. Национальный язык должен выполнять функции высокого языка в системе диглоссии или по крайней мере присутствовать в системе социетального двуязычия. Более того, языковая политика, проводимая в государстве, обусловлена социально-политической и экономической ситуацией, и языковые вопросы имеют более широкое социально-экономическое значение.

В статье Э.Б. Яковлевой «Германские миграции: Языковая ситуация в Британии в эпоху гептархии» рассматривается языковая ситуация в Британии в эпоху семикорольевья, явившаяся результатом германских миграций и образования на ее территории варварских германских государств в V–VI вв. н.э. Автор последовательно показывает, что формирующийся древнеанглийский язык в указанный исторический период испытывает влияние как со стороны латыни, так и кельтских диалектов и скандинавских языков.

В статье М.Б. Раренко «Английский язык в Шотландии» рассматривается проблема функционирования английского языка в двух его формах (Scots и Scottish English) на территории современной Шотландии. Краткий исторический экскурс позволяет понять, как и почему на территории одного государства английский язык оказался представлен сразу двумя формами.

Во второй раздел сборника «Варианты английского языка» также вошли три статьи. В статье Т.А. Валиулиной «Социолингвистические аспекты канадского варианта английского языка» рассматриваются вопросы диалектного варьирования и лингвистического единообразия, различные подходы к генезису и развитию канадского английского, а также проблема автономности канадского английского от британского и американского вариантов. Автор приводит данные исследований, сравнивающие канадский английский с американским, а также затрагивает вопрос отношения носителей канадского английского и академической среды к проблеме автономности канадского английского на разных этапах его становления.

Вопросу функционирования английского языка в России посвящена статья З.Г. Прошиной и А.А. Ривлиной «Английский язык в России как вариант и как дополнительный языковой ресурс». Для решения проблемы статуса русского варианта английского языка авторы, рассмотрев определение варианта как

такового и его релевантных признаков, приходят к выводу о том, что «русский вариант английского языка – это социолингвистический языковой феномен, который может нести в той или иной степени следы родного языка пользователей», и что «самым главным для закрепления варианта является осознание языковым социумом лингвокультурной идентичности» (с. 73). В статье описываются функции английского языка в российском речевом социуме и дополнительные креативные ресурсы, возникающие благодаря английскому языку.

В статье Н.В. Бхатти, Е.В. Ковш и Е.П. Савченко «О некоторых лексико-грамматических особенностях пакистанского варианта английского языка» представлен анализ лексико-грамматических особенностей пакистанского варианта английского языка по сравнению с британским английским языком (Standard English). Теоретической предпосылкой исследования послужил тот факт, что «в настоящее время английский язык является единственным получившим статус глобального (Global English), а варианты английского языка в странах, где он имеет статус официального и им владеют как вторым, называют новыми вариантами английского языка (New Englishes), по терминологии британского исследователя Дэвида Кристала» (с. 90).

В третий раздел сборника «Влияние английского языка на развитие национальных языков в неанглоязычных странах» вошли статьи, в которых авторы рассматривают проблемы проникновения английского языка в языки, принадлежащие разным языковым группам.

Н.Н. Трошина в статье «Английский язык в Германии» отмечает, что немецкий язык испытывает сильнейшее влияние английского языка, несмотря на то что сам является одним из коммуникативно мощных языков. Это влияние проявляется на всех уровнях системы немецкого языка, но прежде всего на лексическом – в широком использовании англицизмов в устной и письменной речи в различных сферах коммуникации, в связи с чем одной из проблем, волнующих немцев сегодня, становится вопрос о лояльности немцев своему родному языку.

В статье «Hungarian or Hunglish?» И.Е. Коптелова показывает, как английская лексика проникает в венгерский язык. В статье рассматриваются этапы заимствований английской лексики венгерским языком начиная с XVII в. Автор выявляет основные тенденции интеграции англицизмов в венгерский язык.

Е.В. Коренева в статье «Англицизмы в языке современной испанской прессы» рассматривает проблемы бытования английских заимствований в языке испанской прессы на материале газет «*El País*», «*El Mundo*», «*ABC*», а также популярных спортивных изданий «*Marca*» и «*As*».

Проблема заимствований существует и в русском языке. О.С. Крюкова в статье «К вопросу об англицизмах на -инг в русском языке», изучив функционирование англицизмов на -инг в русском языке, выявила их лексико-семантические группы: группа финансовых, экономических и бизнес-терминов, группа названий и терминов видов спорта и развлечений спортивного типа, группа интернет- и компьютерных терминов, а также слова, обозначающие различные процессы. К последней подгруппе примыкает ряд технических и других (медицинских, биологических) терминов. Среди англицизмов на -инг есть термины искусства, косметологии, а также социальных наук, биологии и географии. Автор отмечает, что «словообразовательный потенциал у слов на -инг различный» (с. 158), а «степень лексической освоенности слов на -инг коррелирует с ограниченностью их употребления: общеупотребительные слова на -инг скорее исключение, чем правило, хотя суффикс -инг значительно увеличил свою продуктивность в русском языке в начале XXI в. и стал использоваться при словообразовании от незаимствованных корней и основ» (с. 158).

Н.П. Пешкова в статье «Английский язык в лингвистическом ландшафте современного российского города (На материале городского текста Уфы)» описывает результаты исследования, в том числе и экспериментального, английского языка в лингвистическом ландшафте Уфы, полиэтнической столицы Республики Башкортостан. Как отмечает автор, «изучаются языковые средства и способы представления лингвистического ландшафта на английском языке, а также присущие ему функции» (с. 165), а «текст города исследуется как с позиции его авторов, картина мира которых представлена в языковом пейзаже Уфы, так и с позиции адресатов» (с. 165).

Наконец, последний, четвертый, раздел настоящего сборника «Английский язык как язык общения в академической среде» включает в себя две статьи, в которых авторы затрагивают очень важные вопросы, касающиеся использования английского языка в академической среде. И.И. Валуйцева и Г.Т. Хухуни в статье «Глобальный и национальные языки в научных публикациях: Новая форма диглоссии?» поднимают проблемы соотношения в

современных научных публикациях работ, написанных на так называемом «глобальном» языке, т.е. на тех вариантах английского языка, которые принято объединять под общим названием International English, когда он не является родным языком автора, и на других языках. В настоящее время в академической среде наблюдается стремление использовать английский в научных работах русских ученых, основной аудиторией которых нередко является русскоязычная. Авторы указывают, что «подобное положение позволяет рассматривать соотношение английского и национальных языков в области науки как диглоссийное, поскольку именно для диглоссии наиболее характерным признаком часто считается деление идиомов на престижные и непрестижные средства коммуникации» (с. 176).

Завершает сборник статья Н.Н. Германовой «Английский язык в европейской науке и системе образования: Лингва франка или язык-агрессор?», в которой автор сопоставляет различные точки зрения на неоднозначные последствия распространения английского языка в европейской системе образования и науке. Автор приводит статистические данные, свидетельствующие о доминировании английского языка в образовательном пространстве и в результате так называемого «эффекта домино» также вытесняющего другие мажоритарные языки из сферы науки.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить моих коллег по ИНИОН РАН: кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника отдела языкознания Елену Олеговну Опарину и кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника отдела языкознания Наталью Николаевну Трошину за помощь в подготовке настоящего сборника. Благодарность за помощь в подготовке отдельных статей также хочу выразить Ольге Сергеевне Крюковой, доктору филологических наук, заведующей кафедрой словесных искусств факультета искусств ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Список литературы

- Прошина З.Г.* Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 208 с.
- Ощепкова В.В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М.; СПб., 2004. – 336 с.

1. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ТЕРРИТОРИИ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.М. Марусенко, Н.М. Марусенко
**ЯЗЫКИ В ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ
СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА**

Аннотация. В статье анализируются языковая идеология Соединенного Королевства на современном этапе и его языковая политика в области контроля над использованием английского языка и мер по поддержке его изучения иммигрантами и их детьми. Несмотря на то что английский является единственным государственным языком Великобритании и самым распространенным мировым языком, в результате распада Британской колониальной империи и глобальных миграционных процессов его доминирование на территории королевств ослабляется из-за усиления коммунитаризма и отказа иммигрантов интегрироваться в британское общество. Отношения языка и гражданства в современных национальных государствах изучаются с точки зрения укрепления национального единства, которое требует, чтобы национальный язык выполнял функции высокого языка в системе диглоссии или по крайней мере присутствовал в системе социетального двуязычия. Достижение государством поставленных целей языковой политики обусловлено социально-политической и экономической ситуацией, которая обычно не входит в сферу интересов лингвистов, но влияние которой на языковую ситуацию сильнее, чем результаты самой языковой политики. Языковые вопросы, фигурирующие в переписях населения в Соединенном Королевстве, имеют более широкое, социально-экономическое значение. Так, впервые в истории переписей была установлена связь между уровнем владения английским языком и состоянием здоровья иммигрантского населения: молодые иммигранты, прошедшие через британскую систему образования, имеют лучшее состояние здоровья, чем их более старшие родственники, плохо владеющие английским языком. Кроме того, установлено, что все иммигрантские сообщества, чьи члены декларируют хорошее знание английского языка, происходят из стран, где он является либо официальным языком, либо в обязательном порядке изучается в школах с самого юного возраста.

Ключевые слова: перепись населения; Соединенное Королевство; Уэльс; английский язык; валлийский язык; языковые компетенции; состояние здоровья.

M.M. Marusenko, N.M. Marusenko
LANGUAGES IN POPULATION CENSUSES
OF THE UNITED KINGDOM

Abstract. The article analyzes the language ideology of the United Kingdom at the present stage and its language policy in the field of control over the use of English and measures to support its study by immigrants and their children. Despite the fact that English is the single state language of Great Britain and the most common world language, as a result of the collapse of the British colonial empire and global migration processes, its dominance in the kingdom's territory is weakened due to increased communitarianism and the refusal of immigrants to integrate into British society. The relations of language and citizenship in modern national states are studied in terms of strengthening national unity, which requires that the national language perform the functions of a high language in the diglossia system or at least be present in the system of societal bilingualism. The achievement by the state of the goals of language policy is due to the socio-political and economic situation, which usually does not fall within the sphere of interest of sociolinguists, but whose influence on the language situation is stronger than the results of the language policy itself. Language questions appearing in population censuses in the United Kingdom are of broader socio-economic importance. Thus, for the first time in the history of censuses, a link was established between the level of proficiency in English and the state of health of the immigrant population: young immigrants who passed through the British education system have a better state of health than their older relatives, who speak English poorly. In addition, it has been established that all immigrant communities whose members declare good knowledge of English come from countries where it is either an official language or is compulsory taught in schools from a very young age.

Keywords: population census; the United Kingdom; Wales; English; Welsh; language competences; health status.

Соединенное Королевство долгое время считалось оплотом институционального моноязычия, в котором английский язык доминировал над другими автохтонными языками: шотландским, валлийским и гэльским. В Северной Ирландии существует ирландский язык, входящий в группу кельтских языков наряду с валлийским и гэльским. Несмотря на это, Соединенное Королевство провозгласило единственным государственным языком Великобритании английский. Являясь государственным языком Великобритании, английский имеет самое большое число носителей в мире: число носителей, для которых он является родным (страны внутреннего круга), приближается к 350 млн, а в странах внешнего и расширяющегося кругов оно приближается уже к 2 млрд.

Английский служит языком международного общения, бизнеса, торговли, туризма и т.д. Во многом это случилось благодаря Британской империи, колонизировавшей значительное число стран и

территорий в мире. Однако со второй половины XX в. мировое доминирование английского языка поддерживается главным образом за счет политического, экономического и военного могущества Соединенных Штатов Америки.

Еще 20 лет тому назад сама мысль о том, что английский язык может подвергаться опасности в ареале своего зарождения, показалась бы глупой и неуместной. Однако распад Британской колониальной империи и процессы глобализации привели к тому, что автохтонное население Соединенного Королевства оказалось сильно разбавленным иммигрантами, большинство из которых составляют выходцы из стран – бывших азиатских колоний. В последние десятилетия значительная часть этих иммигрантов отказывается ассимилироваться и интегрироваться в британское общество, не желает изучать английский язык и живет в замкнутых этноязыковых и религиозных сообществах (коммунитаризм). Отказ от социальной и политической интеграции, сильная приверженность и агрессивное навязывание своих этнических традиций, а также попытки поднять их на государственный уровень ослабляют единство британской нации и создают серьезные социально-политические проблемы для британского правительства.

Политические дискуссии об отношениях языка и гражданства в современных национальных государствах ведутся на фоне более широких споров о языках и глобализации (включая роль английского языка как мирового языка и глобального *lingua franca*). В них можно выделить два основных теоретических направления: 1) неограниченное государственное моноязычие на национальном языке; 2) диглоссия между национальным (высоким) языком и миноритарным/и (низким/и) языком/ами. В обоих случаях роль миноритарных или региональных языков сводится, в лучшем случае, к сфере частной и семейной коммуникации в соответствии с «иерархией престижности», которая ранжирует языки в зависимости от их распространения, государственного статуса, функций и использования.

Отношение к понятию диглоссии со стороны лингвистов двойственное: одни из них считают, что с его помощью стараются замаскировать конфликт языков, всегда возникающий при их контакте, и представить его как нормальную ситуацию доминирования, другие рассматривают диглоссию как стратегию сохранения языков и обычное разделение функций, представляющее естественную форму социального и языкового порядка [Eckert, 1980, p. 1056]. Высказываются опасения, что диглоссия обязательно ведет к смене языка: даже если на данный момент баланс силы между двумя языками кажется

стабильным, он является переходным состоянием отношений между мажоритарным и миноритарным языками.

Безопасность миноритарного языка в долгосрочной перспективе может обеспечиваться только мерами социальной защиты. Поэтому диглоссия не является оптимальной моделью для стабилизации языка, находящегося под угрозой исчезновения, или для его восстановления во всей полноте функций.

Оптимальной является ситуация социетального двуязычия, при которой вместо разделения и закрепления функций между кодами используется переключение кодов (code switching). Самым важным различием между классическими случаями диглоссии и социетального двуязычия является отсутствие или наличие престижной группы природных носителей миноритарного языка. Для достижения устойчивого социетального двуязычия требуется изменение условий диглоссии между мажоритарным и миноритарным/и языком/ами. До тех пор пока эти языки ассоциируются с разными уровнями социально-экономического развития и престижа культуры, социетальное двуязычие может поддерживаться только искусственными мерами – путем нормирования миноритарного языка (возвращения его использования во всех сферах коммуникации) за счет сокращения функций мажоритарного языка.

Традиционная диглоссия формировалась в преמודерновых обществах, в которых еще не произошли изменения, обычно связываемые с модернизацией: распространение книгопечатания и книжной культуры, массовое образование, секуляризация общества, возникновение национальных государств и поддержка национальных языков. В этих обществах грамотность была доступна лишь для небольших групп элиты и, хотя общество в целом было диглоссийным, большая часть населения владела только низким языком. Престиж высокого языка определялся, в частности, тем, что он был доступен далеко не каждому.

Говоря о традиционной диглоссии, необходимо подчеркнуть ее идентичностный аспект. Владение высоким языком причисляло его носителя к культурной элите, противопоставляемой неграмотным массам. Трудности овладения грамотностью на высоком языке еще более усиливали ее значение как маркера идентичности и принадлежности к элитному социальному классу, который был заинтересован в поддержании этого барьера на высоком уровне.

Необходимо учитывать, что всякая диглоссия существует в определенном историческом пространстве: конкретная ее модель может существовать на протяжении жизни нескольких поколений или даже

веков, но может исчезнуть в результате социальных изменений, вызванных модернизацией, когда либо высокий язык заменяет низкий во всех сферах использования (смена языка – language shift), либо низкий язык заменяет высокий (обратная смена языка – reversal language shift). Попытки обратной смены языка происходят, например, в прибалтийских государствах, старающихся наделить свои национальные языки функциями высокого языка, миноризируя русский язык.

В современной диглоссии функции высокого языка выполняют современные стандартные языки. Высокие языки в современных моделях диглоссии обладают высокой степенью этноязыковой жизнеспособности, т.е. используются большим количеством людей, обладающих значительным богатством и властью. Высокая степень полезности и жизнеспособности представляет собой главную причину изучения и использования высоких языков в диглоссийных сообществах.

Одно из основных различий между традиционной и современной формами диглоссии заключается в разной роли идентичности. В традиционной диглоссии владение высоким языком идентифицировало человека как члена культурной элиты и отделяло от неграмотного большинства населения, тогда как в современной диглоссии большинство членов общества не только читают и пишут на высоком языке, но и практически свободно говорят на нем [Марусенко, 2019, с. 380–382].

Если сообщество, с которым высокий язык связан наиболее тесно, представляет собой национальное государство, можно утверждать, что использование этого языка является актом идентификации носителя с той нацией, в которой данный высокий язык является национальным языком.

Однако многие движения за спасение миноритарных языков руководствуются теми же предвзятыми представлениями о языке, что и их угнетатели, т.е. идеей моноязычия. И государственные политики, и их оппоненты руководствуются той же националистической идеологией о языке и идентичности, которая является одной из самых глубоко укорененных идеологий эпохи модерна [Romaine, 2006, p. 455].

Достижение государством поставленных целей языковой политики обусловлено социально-политической и экономической ситуацией, которая обычно не входит в сферу интересов лингвистов, но влияние которой на языковую ситуацию сильнее, чем результаты самой языковой политики.

Главные причины потери языков связаны не с самим языком: когда в стране меняется использование языков, это свидетельствует

о социальных изменениях, которые могут иметь разные экономические, политические или экологические причины. Поэтому поддержка исчезающего языка означает прежде всего поддержку сообщества носителей этого языка, поэтому вся деятельность по поддержке и возрождению языков должна быть направлена на сохранение и развитие жизнеспособных языковых сообществ. Необходимо отказаться от представления о том, что языки находятся в состоянии конкуренции, что имплицитно подразумевает, что они могут выжить, если повысят свою конкурентоспособность, т.е. получат грамматики и словари вместо того, чтобы сохранить или создать условия для языкового разнообразия [Muhlhausler, 2002, p. 38].

В последние десятилетия движения за возрождение исчезающих языков стали признавать эту печальную реальность, а также то, что возрождение этих языков зависит прежде всего от устойчивого культурного и экономического развития. Попытки придать этим языкам «полный спектр современных функциональных возможностей» в реальности приводят к распылению ограниченных ресурсов на маргинальные, но очень затратные виды языковой активности в ущерб менее наглядным, но гораздо более эффективным мерам по поддержке устойчивого развития. Попытки модернизации миноритарных языков и их использования в качестве, например, языков науки требуют создания огромных словарей научно-технических терминов, что несет в себе опасность новой колонизации языков путем калькирования с мажоритарного языка [Марусенко, 2019, с. 113].

Известный политический философ Б. Барри считает, что ценой национального единства должен стать отказ от миноритарных языков (т.е. первых языков, на которых говорят языковые меньшинства в данном национальном государстве), мотивируя это тем, что их сохранение влечет за собой культурную изоляцию меньшинств, снижает их социальную мобильность и подрывает общее понимание «политики солидарности». Необходимое национальное единство может быть достигнуто только путем активного и сознательного участия меньшинств в построении национальной идентичности или «гражданской национальности». Центральным моментом здесь является изучение национального языка. Хотя языковая ассимиляция представляет собой насильственный выбор для многих членов миноритарных групп, потому что сохранение их традиционных языков и культур подвергается осуждению и дискриминации, Барри считает, что выбор вхождения в доминирующее культурное сообщество имеет некоторые относительные недостатки, которые, однако, несравнимы с преимуществами уча-

ствия в национальном обществе. Если же члены миноритарных групп продолжают сохранять свои культурные и языковые отличия, они обречены оставаться на нижнем ярусе иерархии денежных, статусных и властных ценностей [Barry, 2001, p. 72].

Языковые переписи проводятся и в тех странах, которые традиционно не считались многоязычными, но в которых благодаря глобализационным процессам быстро растет доля иммигрантского населения. Так, в Соединенном Королевстве в 2011 г. впервые проводилась перепись владения английским языком в Англии и Уэльсе, направленная на определение уровня компетенций в английском языке у жителей, для которых английский не является первым языком. Для 92% населения Соединенного Королевства английский (или валлийский в Уэльсе) является первым языком, а оставшиеся 8% имеют разные первые языки. Было установлено, что те, кто на основании самооценки не может говорить по-английски «хорошо» или «не говорит вообще», реже имеют «хорошее» состояние здоровья, чем люди, у которых английский является первым языком.

В ходе переписи языковые компетенции в устном владении английским языком определялись для трех категорий респондентов:

- респонденты с английским как первым языком;
- респонденты с первым неанглийским языком, говорящие по-английски «очень хорошо» или «хорошо» (носители);
- респонденты с первым неанглийским языком, говорящие по-английски «плохо» или «не говорящие вообще» (не-носители).

Английский оказался первым языком у 49,8 млн (92%) постоянных резидентов в возрасте свыше трех лет. Среди резидентов с другими первыми языками 3,3 млн попали в категорию «носители» (1,7 млн могут говорить по-английски «очень хорошо», 1,6 млн – «хорошо»), а 863 тыс. – в категорию «не-носители» (726 тыс. говорят по-английски «плохо», 138 тыс. не говорят вообще).

В ходе переписи 2011 г. от респондентов требовалось оценить состояние своего здоровья как «очень хорошее», «хорошее», «удовлетворительное», «плохое» и «очень плохое». При обработке данных они были разбиты на две группы:

- «хорошее здоровье» – объединившая респондентов, самооценивших состояние здоровья как «очень хорошее» и «хорошее»;
- «не хорошее здоровье» – объединившая респондентов, самооценивших состояние здоровья как «удовлетворительное», «плохое» и «очень плохое».

Респонденты из группы «не хорошее здоровье», не говорящие по-английски, нуждаются в услугах переводчиков, друзей или

родственников для того, чтобы сообщать подробности своего состояния провайдером медицинских услуг. Это явление носит глобальный характер: так, Б. Спольски приводит случай 56-летней турчанки, отказавшейся от пересадки сердца в клинике в Ганновере из-за недостаточного знания немецкого языка. Врачи клиники поддержали это решение, поскольку пациентка не понимает предписания врачей, может принять не то лекарство и не может потребовать помощи в случае осложнений [Spolsky, 2004, p. 1].

Около 300 тыс. резидентов в Англии и Уэльсе имеют «не хорошее здоровье» и относятся к категории «не-носителей». Кроме того, эта группа резидентов имеет трудности при получении первичного доступа к медицинским услугам, и даже когда такой доступ получен, оказывается в некомфортабельной ситуации общения с врачом через третьих лиц [Stokes, 2011].

Результаты переписи свидетельствуют о том, что во всех возрастных категориях состояние здоровья ухудшается независимо от знания языка. Однако во всех группах в категории «не владеющие» доля людей, заявивших о хорошем состоянии здоровья, ниже, чем в других категориях (рис.). Разница между числом людей, имеющих хорошее здоровье, в категории «не владеющие» и в других категориях увеличивается в возрастных группах людей старше 50 лет [2011 Census ... – Электронный ресурс].

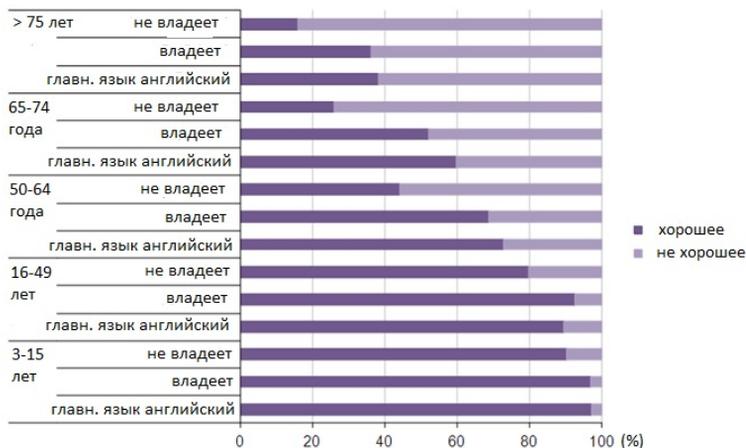


Рис. Состояние здоровья в зависимости от владения английским языком и возрастной категории в Англии и Уэльсе в 2011 г.

Примечание: первым языком в Англии является английский, в Уэльсе – валлийский.

Кроме того, по рисунку видно, что в категории «владеющие английским языком» хорошее состояние здоровья встречается чаще, чем в категориях носителей английского как первого языка и не владеющих им вообще. Это объясняется тем, что данная языковая группа имеет более молодую возрастную структуру (табл. 1–2).

Таблица 1

**Возрастная структура мужского населения
для каждой языковой категории в Англии и Уэльсе в 2011 г.**

Возраст (мужчины)	Первый язык английский / валлийский (%)	Владеющие английским (%)	Не владеющие английским (%)
3–15	16,7	12,1	11,9
16–49	47,5	72,4	61
50–64	19,6	10,4	16,1
65–74	9,2	3,2	5,4
75 и более	7	1,9	5,6
Всего	100	100	100

Таблица 2

**Возрастная структура женского населения
для каждой языковой категории в Англии и Уэльсе в 2011 г.**

Возраст (женщины)	Первый язык английский / валлийский (%)	Владеющие английским (%)	Не владеющие английским (%)
3–15	15,4	12,1	7,1
16–49	45,8	72,9	54,4
50–64	19,2	10,4	20,5
65–74	9,6	2,9	9,2
75 и более	10	1,8	8,8
Всего	100	100	100

В результате переписи были выявлены группы носителей десяти иммигрантских языков, среди которых наибольшее число заявивших, что они говорят по-английски «хорошо» или «очень хорошо» (табл. 3) [2011 Census ... – Электронный ресурс].